

Отзыв

члена диссертационного совета на диссертацию
Коростелева Станислава Валентиновича
на тему: «Политическая легитимация актов применения силы
в международных отношениях»,
представленную на соискание ученой степени
доктора политических наук по специальности 23.00.04 –
Политические проблемы международных отношений, глобального
и регионального развития

Представленная к защите диссертационная работа отражает противоречивый характер мирового политического ландшафта и его высокую степень турбулентности вследствие столкновений глобальных и национальных интересов. Автор с первых строк устанавливает высокую планку именно конфликтного, а не конкурирующего характера международного сообщества, что обусловлено не столько тематикой исследования, сколько практикой и опытом современной геополитики.

Тема, предложенная С.В. Коростелевым, чрезвычайно интересна, но и одновременно сложна для научного описания и изучения, поскольку современная система международных отношений претерпевает кардинальные изменения, приобретая все более прозрачный, открытый характер вследствие перманентного информационного сопровождения политических процессов в условиях новой инфокоммуникативной парадигмы.

Для исследователей в области политических наук актуальность диссертационного исследования может быть определена, с одной стороны, активной динамикой глобального информационно-политического пространства и необходимостью его изучения в целях прогнозирования и устойчивого развития и непредсказуемыми эффектами или провалами в вариативных социокультурных условиях – с другой.

РК № 33-06-425 от 23.08.2021

Гипертрофированное внимание и обсуждение в глобальном сетевом пространстве актуальных межгосударственных и, шире, мировых проблем благодаря модерированию информационных потоков позволяет либо ускорить их решение, либо еще более усугубить. Активная, а порой и агрессивная информационная политика глобальных СМИ находится в фарватере политических традиций основных акторов международной системы координат, а их совместные усилия и реальная заинтересованность в развитии или разрешении того или иного конфликта может гарантировать эффект «разорвавшейся бомбы», не требуя, а иногда и не имея под собой в реальности никаких оснований и доказательств.

Новизна исследования заключается, во-первых, в теоретико-методологическом обосновании и общей характеристике концепции стратегического легализма при разрешении конфликтов и предотвращении гуманитарных катастроф; во-вторых, в предложении практических рекомендаций для легитимации политических решений о применении силы в интересах обеспечения национальной безопасности в современных условиях (С. 28–29).

Диссертация основана на обширной эмпирической базе, которая включает резолюции и стенограммы заседаний Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН, международные нормативные правовые акты, решения международных судебных органов и арбитражей, материалы Комиссии международного права ООН, документы ряда международных организаций, таких как Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, Международный Комитет Красного Креста, посвящённые вопросам обеспечения международного мира и безопасности, присвоения международной ответственности государствам за противоправную деятельность, и документы в сфере защиты прав человека в ходе вооружённых конфликтов (С. 32). Кроме того, в качестве эмпирической базы использовались нормативные правовые акты, постановления высших судебных органов Российской Федерации и других государств,

регламентирующие деятельность органов государственной власти и применение государственных вооруженных формирований для защиты национальных интересов.

Текст диссертации композиционно грамотно структурирован в соответствии с логикой анализа основных понятий исследования как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях. Автор использует в качестве доказательной базы многочисленные академические источники политологической (в частности, в области изучения политико-правовых аспектов международных процессов) и юридической (при описании и осмыслении нормативных основ и принципов международной системы координат) направленности. Насыщенность фактическими сведениями и практическими примерами только подтверждает состоятельность научного анализа.

Первая глава диссертационного исследования посвящена описанию концепта силы и эволюции взглядов на применение силы в международных отношениях, а также формированию научной терминологической базы исследования. К примеру, возможность применения вооружённых сил (С. 47) автор относит к исключительной только при условии невозможности решения конфликта политическими средствами, позволяющими применять совокупную мощь государства для достижения мира и спокойствия (С. 46). Подробный анализ законодательства РФ об обороне, «Концепции национальной безопасности РФ», «Концепции внешней политики РФ» подтверждают рассуждения автора. Здесь также рассматриваются такие понятия, как сила и мощь как внешнеполитические характеристики государства, которые определяются собственными и совокупными возможностями союзов при совпадении интересов (С. 52). Особое внимание автор уделяет «гибридным» инструментам реализации национальной мощи – комбинированному и синхронизированному применению доступных государству источников (С. 53–54). Особый интерес вызвали рассуждения автора о роли информационных методов ведения военных действий, которые

являются «существенным оружием в противостоянии сильных в экономическом и военном отношении государств и государств слабых» (С. 111–113).

Вторая глава посвящена обоснованию механизмов легитимации актов применения силы, причем акцент делается на смещении объекта применения силы и изменении его характеристик – «суверенные государства являются основными, но не единственными, действующими лицами мировой политической системы. Транснациональные политические, коммерческие, идеологические организации проводят в жизнь собственные интересы, и оказывают значительное влияние на международный правопорядок, формируют общественное мнение в национальных государствах, оказывают влияние на эскалацию конфликтов» (С. 130). Здесь же автор указывает на серьезное влияние СМИ «на внутреннюю и внешнюю поддержку проводимой государством политики. Отражение в деятельности СМИ действий, которые в данный исторический период не воспринимаются как „ценности“ населением государств основных международных акторов, также может ограничить возможности государств по достижению национальных целей» (С. 131).

В третьей главе в контексте концепции стратегического легализма, а также «разумно-необходимого» подхода описывается политическая обусловленность толкования международных норм в сфере обеспечения международной безопасности. В рамках гроцианской и кантианской моделей автор рассматривает перспективы развития международной политической системы: путь сотрудничества в деле переустройства мировой системы на основе многополярности и многосторонности либо путь противоборства для обеспечения доминирования какого-либо государства (С. 223). В конкурентных, а иногда и конфронтационных условиях международного диалога автор подчеркивает крайнюю важность и необходимость поиска единого, удовлетворяющего всех основных международных акторов подхода для оценки правомерности обращения государств к силе (С. 234). Однако

особый акцент в диссертации делается на том, что «каждая из сторон конфликта стремится сформулировать такое узкое толкование нормы, чтобы оно могло быть применено для обоснования справедливого характера обращения государства к силе только в данной ситуации, и ни в коем случае не могло бы быть использовано уже для ее осуждения в иных сходных ситуациях» (С. 224). Интересным представляется пример двойных стандартов при рассмотрении в международных судебных органах вопросов, связанных с последствиями военных действий на территории стран, относящихся к периферии и центру идеологического противостояния Востока и Запада. Автор корректно относит их к категории «нормативной коллизии между более ранним и более поздним толкованиями одной нормы международного общего права» (С. 284–285).

Четвертая глава содержит практические аспекты легитимации политических решений о применении силы в современных условиях. Автор убедительно доказывает, что «ведение боевых действия в современном мире находится под сильным влиянием двух основных факторов: информационной прозрачности и ранее недоступного противникам разнообразия используемых средств и методов ведения противоборства» (С. 292), развивая идею «гибридных», «информационных» войн. Кроме того, автор в очередной раз обращает внимание на расширение объектов применения силы: «процедуры обеспечения национальной безопасности определяются деятельностью формально не связанных с государствами международных акторов» (С. 296). Также в данной главе автор доказательно рассуждает об ошибочности отождествления современного международного ландшафта с многополюсной силовой системой государств и их союзов, показывая экономическую природу противостояния в глобальном мире (С. 305). Рассматривая проблему глобального терроризма, автор приходит к выводу, что в условиях деперсонализации центров принятия решений «современное террористическое насилие чаще всего стало направляться на

третьих лиц, т. е. терроризм стал работать посредством косвенного инструментализма» (С. 316).

Таким образом, представленная к защите диссертация имеет комплексный характер, находясь одновременно в двух измерениях: политической и юридической наук. Такой дуализм объясняется спецификой международных политических отношений, в основе которых всегда лежат универсальные и национальные правовые документы. К несомненным ее достоинствам следует отнести детальную проработку и логическую обоснованность положений, выносимых на защиту, а также системность и глубину выводов исследования. Структура работы вполне адекватна авторскому замыслу и раскрывает исследуемую тему.

Вместе с указанием очевидных достоинств текста диссертации, хотелось бы обратить внимание на отдельные моменты, требующие уточнения и являющихся поводом для дискуссии.

1. Отдельные фрагменты диссертации вызывают противоречивые ощущения о роли России в международной политике и об отношении к ней автора диссертации, снижая, на наш взгляд, объективность научного исследования. Так, на с. 267 при анализе ситуации вокруг Косово и Южной Осетии автор ограничился цитированием и аргументацией противников действий России, оставив за рамками текста диссертации собственно российскую позицию по событиям августа 2008 г. Кроме того, на с. 368 автором в один ряд поставлены такие события, как вторжение Ирака в Кувейт 2 августа 1990 г., бомбардировки Югославии силами НАТО весной 1999 г., ввод войск Российской Федерации в Южную Осетию в августе 2008 г.

2. Возникает некоторый диссонанс в дефиниционной части, связанный с использованием в качестве синонимов либо дифференцируя по тексту понятия «превентивная война», «превентивные действия» и «превентивный удар». Автор также тщательно разводит понятия предупреждающих (превентивных) и упреждающих действий (С. 155, 236, 241, 335, 337):

«используется термин “превентивные,, действия, который ошибочно рассматривается как идентичный с термином “упреждающие,,» (С. 342). Однако иногда ставит их в качестве синонимов: «упреждающих (превентивных) действий» (С. 131), «осуществлять своё право на самооборону путём проведения упреждающих действий... заявление такой доктрины предупреждения» (С. 352). Возникает вопрос: идет ли речь об одном подходе при описании доктрин «предупреждения намерений» действий (С. 382) и «упреждающих намерения» действий (С. 385)?

3. На с. 167 автор, ссылаясь на доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам (2004 г.), пишет о пяти критериях легитимности, которые СБ ООН должен учитывать при рассмотрении вопроса о санкционировании применения военной силы. Однако в процессе их расшифровки нам удалось обнаружить только четыре из них. Данный документ также упоминается автором на с. 234, однако и там нет четкого перечня пяти базовых критериев. Их соотнесение с аналогичными критериями для оценивания легитимности «гуманитарного вмешательства» в рамках парадигмы ООН, предложенными в 2000 г. Датским институтом международных отношений, также не позволили воспроизвести полную картину.

4. Учитывая сложность восприятия юридического языка, изобилующего различными нюансами и порой скрытыми контекстами и подтекстами, хотелось бы уточнить авторскую мысль, высказанную на с. 381–382: «А поскольку установленные Уставом ООН ограничения на применение силы не являются на деле столь ограничивающими, чтобы государства не могли использовать доктрины международной ответственности и упреждающей самообороны как политико-правовые основания для действий по защите своих интересов и обращаться даже к осуждаемым мировым сообществом превентивным действиям как к крайней форме упреждения». Кроме того, не совсем понятна мысль автора, представленная ниже: «Согласование воле государств в данном случае происходит не в строгих рамках международных

договоров, а в политических проявлениях позиций государств по вопросу применения силы. Любое действие наиболее активных участников международных отношений, затрагивающее даже в самой малой степени интересы России, всегда должно получать оценку из уст первых лиц государства» (С. 382). В контексте высказанного первого замечания акцент на интересах России в данном случае, скорее всего, следует отнести к разряду технических упущений.

5. Не нашла своего отражения в работе мысль автора, высказанная им в заключении работы. «Между тем, современные международные отношения, безусловно, свидетельствуют, что наиболее сильные государства часто прибегают к вооруженной силе ради обеспечения собственных, но не общих интересов» (С. 390). Эта мысль ранее нами была выделена в контексте подтверждения экономической природы противостояния в глобальном мире (С. 305). Тем более интересным представляется анализ, каким образом ведущие политические акторы в условиях усиливающейся конкурентной борьбы ведущих цивилизационных систем маскируют свои истинные намерения по захвату ресурсных источников или подчинению энергетических рынков благими намерениями и попытками продвижения «демократических» идей и экстраполяции их на другие сообщества.

Так же хотелось бы обнаружить в тексте диссертации развитие одной из наиболее болезненных и актуальных проблем постконфликтного (*jus post bellum*) периода: «высшая цель справедливого применения силы состоит в восстановлении мира. И, что наиболее важно, мир, установленный после войны должен быть более совершенным, чем тот мир, который бы существовал, если бы не было обращения к войне» (С. 393), т. е. создание для населения достойных условий жизни (С. 389). К примеру, известно, что ситуация в Ливии после свержения режима Каддафи при помощи сил НАТО до сих пор остается на грани гуманитарной катастрофы.

6. В работе, к сожалению, отсутствуют материалы и анализ российско-украинских отношений последних семи лет, хотя агрессивная риторика

украинского политического истеблишмента в отношении России (навешивание ярлыков «агрессора» и «оккупанта») до сих пор ограничивается декларативными заявлениями в СМИ и не являлась предметом обсуждения СБ ООН несмотря на попытки России организовать в мае 2020 года заседание в Совете Безопасности. Несмотря на то, что принятые Генеральной Ассамблеей ООН резолюции 68/262 (2014 г.) и A/RES/75/29 (2020 г., где Российская Федерация признана оккупантом Крымского полуострова) в отличие от решений, принимаемых Советом Безопасности, не являются юридически обязательными для государств и имеют рекомендательный характер, данные документы нашли отражение в деятельности ЮНЕСКО и Управления Верховного комиссара ООН по правам человека.

Отмеченные проблемные моменты и вопросы могут послужить ориентирами в дальнейшем развитии настоящего исследования и не снижают общей положительной характеристики содержания работы. Тем более что вывод, сделанный автором на с. 372, вселяет надежду, что в случае развития военного сценария в Приднестровье Россия окажет активную помощь и признает республику, поскольку в Приднестровье более 200 тысяч человек являются гражданами России: «в случае, когда совершается нападение на значительное число граждан государства только вследствие их национальной принадлежности, данное нападение должно считаться нападением на само воплощение государственного суверенитета и расцениваться как причинение государству значительного ущерба» (С. 372).

Соответствие содержания диссертации по специальности 23.00.04 – «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития» формуле специальности подтверждается тем, что объектами исследования в данном случае выступают политические процессы, инструменты внешней политики государства в современных геополитических условиях. В содержании диссертации в наибольшей степени представлены следующие области исследований: функционирование

политического механизма легитимации актов применения силы, теория и практика реализации решений по применению силы в международных отношениях, система международных отношений и ее субъектов, обоснование политических решений во внешнем мире, международная и национальная безопасность, исследование геополитических (глобальных, региональных, национально-государственных) явлений и процессов.

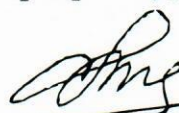
На основании изложенного можно сделать вывод, что диссертация Коростелева Станислава Валентиновича на тему: «Политическая легитимация актов применения силы в международных отношениях», соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 года № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Коростелев Станислав Валентинович заслуживает присуждения ученой степени доктора политических наук по специальности 23.00.04 – «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития». Пункт 11 указанного Порядка диссертантом не нарушен.

Член диссертационного совета

доктор политических наук, профессор кафедры журналистики

Приднестровского государственного

университета им. Т.Г. Шевченко

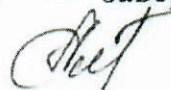
С.В. Олейников

Подпись

Подпись Олейникова Сергея Викторовича

– заверяю:

И.о. начальника Управления кадров

Л.А.Лисовская

06.08.2010 г.

